

На правах рукописи

ПИСАРЕНКО Лидия Викторовна

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ РУБЕЖА XX–XXI вв.
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СУБСТИЛЯ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2004

Работа выполнена в Орском гуманитарно-технологическом институте (филиале) Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Флоря Александр Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Шейдаева Светлана Григорьевна

кандидат филологических наук, доцент
Шунейко Александр Альфредович

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный педагогический университет»

Защита состоится 18 мая 2004 года в 12 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан 17 апреля 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Н. И. Чиркова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последнее десятилетие XX века художественная литература потеряла свое традиционно лидирующее положение в культуре, ее место занимает публицистика. Однако возрастающий интерес к средствам массовой информации не похож на «газетно-журнальный бум» «перестроечного» периода. Во-первых, на рубеже 1980-90-х гг. публицистика во многом выстраивалась вокруг литературы, во-вторых, внимание к средствам массовой информации было в основном поверхностным. Читатели были увлечены открытием новых тем, поражены сенсационными разоблачениями, радикальным изменением стилистики СМИ (прежде всего вульгаризацией языка). Сила публицистики рубежа XX–XXI вв. не в том, что она заменяет литературу, утратившую традиционные для нее позиции в обществе. Истинный источник обогащения современной публицистики, а также возрастания интереса к ней – наука, обеспечивающая средствам массовой информации главные для них качества – точность, достоверность.

Наряду с возрастанием интереса к публицистике исследователями, критиками отмечается углубление кризиса доверия читателей к современным средствам массовой информации, связанное с тем, что публицистика часто не соответствует собственным критериям.

Публицистический стиль многократно описан учеными (М. П. Сенкевич, Г. Я. Солгаником, О. Б. Сиротининой, С. Г. Кара-Мурзой и др.), но, во-первых, без разграничения дифференциальных и интегральных признаков, во-вторых, критерии аутентичной публицистики «размыты», преданы забвению в практике некоторых российских средств массовой информации, их приходится восстанавливать (или даже устанавливать) заново.

Переходная эпоха, в том числе и смена веков, побуждает к подведению итогов. Занимаются этим и лингвисты, обращаясь чаще всего к языку СМИ, так как публицистика, в силу мобильности, демократичности, адекватно отражает язык своей эпохи, языковое мышление человека и служит удобным источником для языкознания. Лингвисты считают, что изучение публицистики следует вывести на иной качественный уровень – макролингвистический [Солганик Г. Я., 2000].

Однако сомнение вызывает подход к изучению языка средств массовой информации, в том числе в академических исследованиях. За «постперестроечные» годы в российском общественном сознании сложилось устойчивое противопоставление «демократическая – оппозиционная публицистика». «Демократическая» печать при этом часто оценивается как «позитивная», а «оппозиционная» – как «негативная». Е. Г. Липатова в значительной мере исправляет такой взгляд на журналистику за счет введения дополнительного критерия удовлетворительности/неудовлетворительности (соответствия/ несоответствия жур-

налистики нормам речевой культуры и профессиональным критериям) [Липатова Е. Г., 2000].

В реферируемой работе анализируется язык современной аутентичной публицистики, черты которой ярко проявляются в текстах научно-публицистического субстиля. Исследование языка публицистики рубежа XX–XXI вв. опирается на принцип удовлетворительности / неудовлетворительности нормам речевой культуры и профессиональным критериям.

Таким образом, актуальность исследования «Лингвостилистическое описание российской публицистики рубежа XX–XXI вв. и научно-публицистического субстиля» обусловлена необходимостью изучения современных языковых процессов; возрастающим интересом к средствам массовой информации, включая электронные; «размытостью» критериев аутентичной публицистики; недостаточной разработанностью вопроса о научно-публицистическом субстиле.

Теоретическую основу исследования составили труды известных ученых: В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, Д. Э. Розенталя, Ю. С. Степанова, М. Н. Кожинной, И. Б. Голуб, Ю. М. Скребнева, А. Н. Васильевой, М. П. Сенкевич, О. Б. Сиротининой, Г. Я. Солганика, В. Г. Костомарова и др.

Объект исследования – российская публицистика рубежа XX–XXI вв. (преимущественное внимание уделяется материалам 1999-2002 гг.).

Предметом исследования являются лингвостилистические особенности российской публицистики рубежа XX–XXI вв.

Новизна исследования заключается в разграничении конститутивных дифференциальных и интегральных признаков публицистического функционального стиля, в системном описании лингвостилистических особенностей российской публицистики рубежа XX–XXI вв. (в том числе относящейся к научно-публицистическому субстилю), а также в характере материала: если современные лингвисты анализируют в основном язык широко распространенных газет и журналов, то в данной работе преимущественно рассматриваются материалы редких изданий, полученные через Интернет (особое внимание уделяется анализу языка публицистических статей и монографий).

Цель данной диссертации – системное исследование языка российской публицистики рубежа XX–XXI вв. и научно-публицистического субстиля.

Задачи исследования:

- конкретизировать конститутивные дифференциальные и интегральные признаки публицистического функционального стиля;
- выявить лингвостилистические особенности российской публицистики рубежа XX–XXI вв.;
- определить лингвостилистические особенности научно-публицистического субстиля.

Автором использованы следующие **методы исследования**: аналитический; индуктивный; описательный; контекстологический; компонентный; эле-

менты метода количественного анализа. (Признак считается характерным и описывается в исследовании, если количество примеров с данным признаком составляет не менее десяти на сто анализируемых разноплановых микротекстов.) Главными принципами работы стали лингвостилистическое толкование языковых явлений в широком и узком контексте; признание универсальности таких явлений, как синонимия, омонимия, окказиональность, распространяющихся на все уровни языка.

Гипотеза исследования: российская публицистика рубежа XX–XXI вв. обладает рядом лингвостилистических особенностей на фонетическом, лексическом, семантическом, имагинативном (образном), а также грамматическом и текстовом уровнях.

Положения, выносимые на защиту:

- Публицистический функциональный стиль характеризуется набором конститутивных признаков, представляющих собой единство интегральных и дифференциальных признаков.
- Российская публицистика рубежа XX–XXI вв. обладает рядом лингвостилистических особенностей, являющихся элементами различных языковых уровней и пребывающих в конвергенции.
- Точность как стилема – важнейшее свойство научно-публицистического субстиля.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в подробном рассмотрении функционально-стилистической аутентичности публицистического стиля, изучении научно-публицистического субстиля.

Практическая значимость выполненного диссертационного исследования заключается в обобщении большого текстового материала, в выявлении и описании конкретных лингвостилистических особенностей российской публицистики рубежа XX–XXI вв. и научно-публицистического субстиля.

Теоретические положения и практические материалы исследования могут быть использованы в нормативных курсах и спецкурсах по стилистике, включая стилистику декодирования, а также по дисциплинам специальности «Журналистика».

Личный вклад автора состоит в следующем:

- разработана лингвистическая характеристика научно-публицистического субстиля;
- описан с лингвостилистической точки зрения ранее не изучавшийся материал современных средств массовой информации (публицистические монографии и статьи).

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на Международных конференциях: «Современная филология в международном пространстве языка и культуры» (Астрахань, 2003), «Роль университетской науки в развитии регионального сообщества» (Орен-

бург, 2003), на итоговых научно-практических конференциях Орского гуманитарно-технологического института (2002, 2003 гг.); оформлялись в виде тезисов, статей и монографии.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, списка публицистических монографий и статей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются цели и задачи исследования; характеризуются предмет и объект исследования, отмечаются научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, личный вклад автора в разработку избранной темы; указываются теоретические основы и методы исследования; приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Публицистический функциональный стиль»** дается общая характеристика публицистического функционального стиля (ФС) на различных уровнях языка, рассматриваются его конститутивные дифференциальные и интегральные признаки; отмечаются особенности научно-публицистического субстиля.

1.1 Общая характеристика публицистического функционального стиля. Устной форме публицистического ФС свойственно **интонационное богатство**. Графические и орфографические выделения (**графоны**) типичны для публицистики, особенно в заглавиях.

Лексический уровень. **Оценочность** является ярким конститутивным признаком публицистического ФС, приближающимся к дифференциальному в том смысле, что другие виды книжной речи могут быть нейтральными, а публицистическая речь (за исключением сугубо информативных текстов) – практически никогда [Голованевский А. Л., 2002]. Словарный состав публицистического стиля богат и разнообразен, однако для него органичны нейтральные и обще-книжные слова и нежелательно употребление диалектной лексики, просторечных слов, а также профессионализмов, жаргонизмов, арготизмов, сленгизмов.

Активно используются **метасемемы** (метафоры, эпитеты, прозопопеи, метонимические переносы – синекдоха, эналлага и др.), однако чрезмерная оригинальность для них не характерна, обычно они статичны, однозначны. Это свойственно и фразеологизмам. Большую роль играют **цитаты** и **реминисценции**, особенно в заглавиях.

Экспрессивность, оценочность публицистики проявляется, в частности, в употреблении слов с так называемой «расщепленной коннотацией», то есть неоднозначно воспринимаемых различными слоями общества. «...марксизм в том виде, как он содержится в трудах его "классиков": Маркса и др.» (И. Шафаревич. *Хилиастический социализм*) – ироническое отношение Шафаревича к

марксизму и Марксу очевидно. Сами марксисты в таком же контексте произносят слово «классики» без иронии.

Вульгаризмы, бранные слова могут встречаться в аутентичной публицистике, но чаще бывают олитературены, используются наряду с книжной лексикой: «Гитлеру не удалось взять Ленинград и Москву. Проклятый крысолов, кривляясь, напрасно приплясывал со своими крысами по шею в крови, ему не удалось повернуть русский народ на обглоданные кости пещерного жития» (*А. Н. Толстой. На репетиции седьмой симфонии Шостаковича*).

Окказиональные слова в публицистическом ФС встречаются не часто и, как правило, бывают системными или/и комментируются автором.

Публицистическому тексту свойственно активное использование коммуникативных функций **каламбура** [Кузнецова А., 2001], что связано с необходимостью управлять читательским вниманием при чтении газет – фиксировать его на определенном материале, особенно в так называемых "лидах" – вводках. По нашему мнению, не само использование каламбура является дифференциальным признаком публицистического стиля, но дифференциальная **функция**, в которой он употребляется, так как в художественной литературе каламбуры чаще играют орнаментальную роль.

Словообразовательный уровень. Публицистическому ФС характерны общеязычные аффиксы, особенно префиксы: а- (*аморальный*), анти-* (*антивоенный*), архи-* (*архисложный*), контр- (*контраргумент*), квази- (*квазиперестройка*), лже-* (*лжегерой*), псевдо- (*псевдопатриотизм*), супер- (*суперзвезда*), экстра- (*экстраординарный*), суффиксов -ан- (*критикан, политикан*), -ист (ск)- (*нацифистский*), -ост'-* (*притерпелость*), -щин- (*маниловщина, карамазовщина; образованщина*), -иј- (*индустрия, энергия*), -циј- (*продукция*), -ациј- (*операция*), и др. Аффиксы, выделенные курсивом (и употребленные именно с такими коннотациями), более типичны для публицистического, чем для других стилей. Некоторые из них (отмеченные звездочкой) в публицистике обладают значениями, отличными от их семантики в других ФС, прежде всего в научном: «антивоенный» (семантика префикса: «против») – «античастица» («противоположность электрического заряда»), «архисложный» («высшая степень качества») – «архисема» («обобщенность»).

Морфологический уровень. **Имена собственные** часто употребляются в **нарицательном значении** (хотя обычно пишутся с прописной буквы). При этом могут происходить **гендерные смещения**: слово «Кассандра» неоднократно в публицистических текстах относилось к лицам мужского пола. Так, средства массовой информации времен перестройки называли Ельцина «Кассандрой Горбачева». Аналогичный пример из публицистики XXI в.: «Тошно быть Кассандрой» (*А. Волков, А. Привалов. Худший закон России*). Иногда имена собственные развивают множественное число и пишутся, как правило, со

строчной буквы: тартюфы (т. е. фарисеи). Категорию собственности обычно сохраняют слова с положительной коннотацией.

В публицистическом тексте активно используются **общекнижные грамматические формы** – краткие прилагательные, аналитические степени сравнения, суперлативы и элятивы, причастия, преимущественно в препозиции: «Плохи и неверны нынешние границы, но было бы многожды хуже, если б их траектория в момент взрыва Союза считалась дискуссионной» (*В. Лютый. Между ненавистью и любовью*).

Типично употребление форм 1 л. ед. ч. местоимений, в том числе в обобщенно-личном значении: «Какая мне польза, если я достигну торжества якобы моего мировоззрения путем скрывания или искажения всего, ему противоречащего? (...) Зачем же мне тогда их учреждения, пустые формы, в которые эти люди не могут вложить того, что я не дал им самим?» (*Л. Тихомиров. Больные места публицистики*). Полемика с оппонентами (особенно обращение к воображаемому адресату) предполагает употребление местоимения «я» в буквальном значении, а «вы» (реализованного или подразумеваемого) – в обобщенном: «В сущности – при чем тут моя личность? Ведь я излагаю мнения. Если они неверны, опровергайте» (*Л. Тихомиров. Больные места публицистики*).

Местоимения могут употребляться в **гентильном** («родовом», обобщенно-личном) значении: «Вот – вы подхвачены светом, вы словно в вихре его... И снова покачиваетесь на лазурных волнах океана будущего. С возрастающим напряжением вы ожидаете финала, завершения огромного музыкального переживания. Вас подхватывают скрипки, вам нечем дышать...» (*А. Н. Толстой. На репетиции седьмой симфонии Шостаковича*).

Для публицистического ФС характерно использование различных оттенков значений **глагольных времен**. Например: настоящее абстрактное: «Как один взрыв посредством детонации вызывает другие взрывы, так детонируют и произведения искусства» (*В. Солоухин. Камешки на ладони*); настоящее экспозиционное, или «онтологическое»: «Автор («Слова о полку Игореве» – Л. П.) противопоставляет себя и свой труд песнярам-гуслиарам» (*В. Солоухин. Камешки на ладони*); прошедшее время глагола – синоним будущего времени: «Но публицистика погибла, если потеряла способность различать свои задачи от задач политикана» (*Л. Тихомиров. Больные места публицистики*); будущее «онтологическое», смыкающееся с будущим актуальным: «Пращур наш, глядя по солонь, наверно, различил в дали веков эти дела народа своего, и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...(...). Наша родина ширилась и крепла, и никакая вражья сила не могла пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. Ничего, мы сдюжим!..» (*А. Н. Толстой. Родина*) и др. Для иллюстрирования теоретических положений в диссертации намеренно используются примеры из одних и тех же текстов, что позволяет увидеть динамику времен в публицистических произведениях.

В исследовании анализируются различные значения **наклонений глагола** в публицистическом ФС. Отмечается, что наклонения могут использоваться одно в значении другого или вместо другого, например, изъявительное наклонение часто употребляется в роли повелительного с оттенком побуждения: «Берем двух человек, не говорю г-на Оболенского и г-на Тихомирова, а так, кого-нибудь, гипотетические лица» (*Л. Тихомиров. Больные места публицистики*).

Причастия, деепричастия и соответствующие обороты характерны для публицистического ФС как общекнижные грамматические формы, особенно в аккумуляции: «Можно представить себе Иисуса Христа идущим по дороге, разговаривающим с учениками, исцеляющим больного, сидящим за столом на свадьбе в Кане Галилейской или во время тайной вечери, когда Мария Магдалина омывала ему ноги, возлагающим руки на головы детей, изгоняющим торговцев из храма, проповедующим, слушающим, умирающим на кресте, но нельзя представить себе его смеющимся. Неужели он никогда не смеялся?» (*В. Солоухин. Камешки на ладони*).

Синтаксический уровень. Для публицистического стиля характерно использование предложений разных семантических групп; рядов причинно-следственных конструкций; риторических вопросов; сохранение связки в составном именном сказуемом (авторы научных текстов их обычно избегают), сохранение архаической связки в ироническом тексте: «Объекты микроуровня человекенька суть отдельно взятые люди (как социальные атомы) и их объединения в группы, являющиеся частями человекенька (скажем, в частичные группы)...» (*А. Зиновьев. Логическая социология. Микроуровень человекенька*).

Широко используются **риторические фигуры, приемы поэтического синтаксиса**: повторы (эпаналепсис, параллелизм, анафора и др.); бессоюзие; градация; парцелляция и др. Например, параллелизм: «Политикан может пользоваться работой публициста, как публицист пользуется работой критика, но между задачами и способами действия того и другого – целая бездна» (*Л. Тихомиров. Больные места публицистики*).

В состав текста нередко включаются афоризмы, басни, анекдоты, поучительные истории. В общестилистическом плане публицистике свойственны **языковая игра, интимизация дискурса** (подчеркивание авторской позиции): «В начале войны один мой знакомый сказал...» (*А. Н. Толстой. На репетиции седьмой симфонии Шостаковича*).

Таким образом, публицистический ФС характеризуется набором конститутивных признаков, представляющих собой единство дифференциальных и интегральных признаков.

1.2 Особенности научно-публицистического субстиля. «Гибридные» субстили могут выделяться в составе и научного, и публицистического ФС. Различие между ними не всегда поддается четкому установлению, но очевидно, что в каждом из них сильнее проявляются черты основного ФС. Вопрос

разделения «гибридных» субстилей весьма сложен, наукой практически не изучен.

Основу научно-публицистического субстиля составляют признаки публицистического ФС. В научном аспекте данный субстиль имеет некоторые особенности, привносимые соответствующим (научным) ФС. Важнейшая черта научно-публицистического субстиля – использование терминологии. Кроме этого, ему свойственны повышенная коммуникативная ценность, логическая и смысловая строгость, уменьшение количества сложных предложений, увеличение доли простых предложений со свернутыми пропозициями, тенденция к экспликации наиболее актуальных смысловых фрагментов, усиление роли детерминант и других распространителей [Аликаев Р. С., 1999].

В данном исследовании описание основных черт современного научно-публицистического субстиля дается в общем контексте характеристики языка российской публицистики рубежа XX–XXI вв. (главы II, III).

1.3 Аутентичная и неаутентичная публицистика. Вопрос о разделении аутентичной и неаутентичной публицистики, на наш взгляд, является принципиальным, так как материалом для данного исследования служат современные аутентичные публицистические тексты. Важным в этом отношении представляется исследование Е. Г. Липатовой «Лингвоэстетические особенности российской публицистики 1990-х гг.» [Липатова Е. Г., 2002], в котором предлагается описание сатисфабельной и несатисфабельной журналистики.

Автор реферируемой работы дополняет характеристику аутентичной (сатисфабельной) и неаутентичной (несатисфабельной) публицистики, предложенную Липатовой Е. Г., важными деталями: отмечается развязный и высокомерный тон, свойственный авторам современных неаутентичных публикаций; бессвязность, алогизмы, недобросовестное поведение в полемике (некогерентность – [Кара-Мурза С. Г., 2000]).

В главах второй «**Характеристика языка российской публицистики рубежа XX–XXI вв. на уровнях первичной материальной и смысловой организации слова**» и третьей «**Особенности языка российской публицистики рубежа XX–XXI вв. на грамматическом и текстовом уровнях**» анализируется язык современных средств массовой информации, отмечаются особенности текстов научно-публицистического субстиля.

2.1 Уровень фонетики, графики, орфографии. Из выразительных фонетических средств языка современными публицистами используются: фонетическое единоначатие в заглавиях, аллитерация («Крик кикиморы» – название статьи С. Тамилина); каламбур («Новые прусские» – название статьи Н. Брянцева); тенденция воспроизводить исконное произношение слов (масс-медиа, Фрейд).

Из стилистических средств орфографии наиболее частотно написание нарицательных существительных и других слов с прописной буквы (Судьба, История, Иной – у философов-традиционалистов); графоны употребляются в ос-

новном как средство эмотивной пунктуации (...одним словом – рулезззззз!)» (Г. Куйбышев. *Вагнер отдыхает, Римский-Корсаков круче!*).

2.2 Семантический уровень. Современная публицистика ярко эмоциональна (эмотивный уровень электронных средств массовой информации еще выше), что связано с одним из проявлений «**точности как стилемы**» публицистического текста: неточное, неадекватное значение слов с негодованием отвергается, восстанавливается исходный смысл. Это протест против навязывания идеологических штампов. Публицистика конца XX – начала XXI вв. тяготеет к **деклещированию** за счет «**расщепления коннотации**» [Филин Ф.П., 1981], дополнения или изменения семантики слов и т.п.

Эмоциональные характеристики публицистических текстов возникают вокруг основополагающих **концептов**, принципиально важных для современности: «рациональность/иррациональность; «нормальность/аномальность»; «новизна»; «глобализм». Последние два концепта рассматриваются в диссертации подробно. Например: «Рано или поздно футболу придется поторопиться с новациями. Чтобы попасть в ритм века» (А. Друзенко. *Чемпионат мимо*); «новомодный модернизм» (О. Павлов. *Особенности литературной охоты*); «Со своей стороны доктор исторических наук А. Б. Вебер обозначает этот феномен как “низовой глобализм”» (Ю. Жилин. *Глобализация в контексте развития современной цивилизации*).

2.3 Имагинативный уровень. Публицистические образы отличаются от художественных, так как броски, плакатны, узнаваемы. Они обязательно концептуальны, то есть выражают социально значимый пласт действительности. Прежде всего это **библеизмы, конфессионализмы (религиозно-культовая лексика), литературные образы, «фэнтези», «толкиенистика», бульварная субкультура** в целом.

Из метафор, наиболее распространенных в СМИ, выделяются: «**театр**»: политики – актеры, а политическая жизнь – игра, цирк, аттракцион; «**криминальный мир**»: политические лидеры – шпана, паханы, вожаки, надсмотрщики, «кремлевские отцы»; «**животный мир**»: политики – хищники, стадо; «**субъект власти**»: царь, король, государь, королевская особа; **оздоровление** или **выздоровление**.

Распространено реанимирование других политических метафор: **образ гидры**: «Речь, ясно, идет не о трех личностях, а обо всей этой многоголовой гидре. Все они – ее части. Дадут по зубам одной голове, лезет она под крыло, зализываться. Тут работает другая, даже критикует предыдущую. А дело делают одно, и сердце у них у всех одно» (С. Г. Кара-Мурза. *Опять вопросы вождям*); «**зомбирование**»: «Зомбирующее действие СМИ должно быть побеждено «новым мифотворчеством» (К. Фрумкин. *Романтики в броне и шипах*) и нек. др. Важным источником образности СМИ является **наука**: физика; биология («Диссиденты были вирусами, которые пользуются огромным аппаратом клет-

ки. Они на ней паразитируют, нет клетки – нет и вируса» (С. Г. Кара-Мурза. *Советская цивилизация*)); экономика («В международной печати не раз отмечалось, что в первые годы китайских реформ Запад и Япония довольствовались больше политическими, нежели экономическими дивидендами» (Л. В. Кива. *Китайская модель реформ*)) и др.

2.4 Ирония и сарказм, косвенное и прямое осуждение и связанные с ними семантические явления. В публицистике рубежа XX–XXI вв. активно используются иронические приемы, прежде всего **антифразис** и **астеизм**. Существует особая разновидность иронии – в отличие от явного антифразиса – **признание заслуг оппонента и развитие темы в сторону его заблуждений или даже деградации**: «Признанная актриса (Инна Чурикова – Л. П.) восприняла свою роль как чисто идеологическую задачу» (С. Г. Кара-Мурза. *Интеллигенция на пепелище*).

Ирония так или иначе строится вокруг темы **глупости, непонятливости**. Очень часто автор, как бы занижая интеллектуальный потенциал оппонента, объясняет элементарные понятия или семантические оттенки широко употребляемых слов. Он может «иронизировать» и над собственной «недогадливостью» за счет **«непонимания» слов с «расщепленной коннотацией»**: «Кончаловский пытался оправдать Чурикову тем, что она, мол, великий клоун. Это двусмысленно. Клоун – так играй в цирке, а не в таком перегруженном идеями фильме» [«Курочке Рябе»] (С. Г. Кара-Мурза. *Интеллигенция на пепелище*). К приемам такого рода относится также **ресемантизация** (переосмысление) оценочных слов и понятий, изменение их коннотации: «Да, они (бедные люди – Л. П.) сходят с ума от боли и страха за Россию и за своих близких» (С. Г. Кара-Мурза. *Интеллигенция на пепелище*). Понятно, что оппоненты С. Г. Кара-Мурзы пишут о людях, недовольных «демократическими реформами». Ресемантизация слова сочетается с **амфиболией**: «О «потусторонних» людях» (название статьи Л. Графовой). «Потусторонние» – значит находящиеся или находившиеся по ту сторону российской границы, беженцы, а кроме того – люди, как бы пребывающие «на том свете», «мертвые» для государства.

2.5 Лексический уровень. Отмечаются ставшие обиходными **лексемы**: «**знаковый**» – символический, знаменательный (функционирует его синоним – «**культурный**»); «**проект**» – адекватно выражает эпоху, в которой нет реальных социальных достижений, зато много утопических планов (у С. Г. Кара-Мурзы в «*Советской цивилизации*»: «проект Ленина», «проект Троцкого» и мн. др.; «**пиар**» (в различных орфографических вариантах) – символ фальши, неподлинности, манипулирования людьми и др.

Характеризуются следующие **лексические пласты** СМИ: историзмы, введенные в современный контекст («луддиты», «холокост» и т. п.); заимствования, экзотизмы и др.

Одним из важнейших элементов современной публицистической лексики является **антропонимия**.

На **фразеологическом уровне (2.6)** особое внимание уделяется **приемам деклиширования**, то есть разрушения штампов. К ним относятся: простое опровержение штампа; расшифровка штампа; противопоставление штампу его буквального варианта; противопоставление штампа и актуального значения слова (оборота): «Абстрактные права человека оказались сильнее прав общества, в том числе и права на собственную защиту» (*А. А. Романов. Геостратегия Россия и мир в XXI веке*); констатация устарелости штампа – иногда с заменой новым штампом: «Уж какая там *русская* душа! За словом «русская» немец теперь ждет слова «мафия» (*Ю. Архипов. Гибель богов по-русски и по-немецки*); модернизация штампа – введение в современный контекст без изменения основного смысла, подновление штампа: «Есть книги, обреченные на успех. Эта книга обречена на дискуссии» (*М. Новикова. Не только о Достоевском*); оригинальный поворот стереотипной темы; лексическое видоизменение фразеологизма: «Куба для нас была окном в Запад» (а не в Европу) (*С. Г. Кара-Мурза. Советская цивилизация*).

3.1 Словообразовательный уровень. Наиболее частотные аффиксы группируются вокруг семантики, типичной для современных средств массовой информации: семантики неподлинности, отношения к границе и т. д.

В научно-публицистических текстах распространены **ряды однокорневых слов** для прояснения сложных понятий, различающихся нюансами, известными лишь компетентным или посвященным людям: «Человек предназначен для существования не в такой социальной структуре, как сегодня, а для существования в системе сложного духовного механизма, который осуществляет некую космическую, космологическую и супракосмическую функцию» (*К. Фрумкин. Романтики в броне и шипах*).

Словообразовательные окказионализмы органичны для современной публицистики, но не любые, а системные: «Сколь насильствен был советский "новояз" (в оруэлловском понимании термина), столь же самоволен и демонстративен в своих правах солженицынский "старояз", монтируемый, словно механический протектор, в живую ткань современного русского языка» (*В. Лютый. Между ненавистью и любовью*).

Активное использование публицистами **сложных понятий** – одно из проявлений точности как стилемы. Авторы стремятся раскрыть явления в их многоаспектности, многогранности: «...в них просматривается отнюдь не какая-то специфически мусульманская, а вполне обычная московско-петербургская интеллигентская начитанность» (*К. Фрумкин. Романтики в броне и шипах*).

3.2 Морфологический уровень. Морфологическая стилистика рассматривает стилевое функционирование грамматических категорий и грамматических форм. Стилистические средства морфологии складываются из наличия в рус-

ском языке вариантных форм одной и той же грамматической категории (грамматические синонимы), а также способности грамматических форм выражать не одно, а несколько значений (грамматические омонимы). В диссертационном исследовании предлагается подробная характеристика стилистических средств морфологии. Наиболее типичные для современной публицистики черты на морфологическом уровне:

- контрасты нарицательности и собственности: «О том, что приобрела и потеряла игра, которая раньше была Игрой, а стала Бизнесом» (*А. Друзенко. Чемпионат мимо*);

- ярким проявлением **точности как стилемы** является феномен «понятие с прилагательным», когда прилагательное уточняет характер политического термина; вносит оценочные коннотации: «Обществу было три последних недели августа как-то не до манифестов оппозиции – конструктивной, непримиримой или даже деструктивной» (*С. Земляной. Политический стиль либеральной оппозиции*);

- числительные используются как точные, корректно трактуемые статистические данные;

- в научно-публицистическом субстиле доминирует семантика долженствования, и в этом **проявляется точность как стилема**: необходимо не рассуждать о том, что возможно, а четко и обобщенно определить свое отношение к действительности: «В эту формулу надо ввести еще один элемент – сильное наземное прикрытие позиций русских РВСН. То бишь, они должны быть насыщены нашими спецназовцами и опытными агентами, которые смогут уничтожать заброшенных к нам диверсантов» (*М. Калашиников. Битва за Небеса*). Для многих публицистических текстов характерна императивная модальность: «И президенту рано или поздно придется решать этот вопрос. Не может быть министром культуры человек, который доказывает, что государство не должно заниматься беспризорностью. На эту роль годится только тот человек, который хотя бы чувствует и понимает разницу между свободой и гниением общества» (*А. Ципко. Шоумен не может быть министром культуры*).

3.3. Синтаксический уровень. Отмечается, что в научно-публицистическом субстиле проявляются черты, свойственные научному ФС.

Анализ текстов позволил сделать вывод об основных синтаксических фигурах, характерных для современной публицистики:

- **повтор** – используется преимущественно как средство усиления иронии: «Сразу же предупрежу: я не специалист по Достоевскому. И не политик, который специалист по всем проблемам. И не гуру, который специалист по всем ценностям» (*М. Новикова. Не только о Достоевском*);

- создание **понятийного ряда** (эволюции понятий): «Узнаете? Родовая языческая этика – этика военно-дружинная – этика поздней архаики, кризиса корпоративности и выделения личности – этика раннебуржуазного индивидуа-

лизма, Ренессанса, – сентиментализма – романтизма <...> критического реализма и, как венец деградации, модернизма, постмодернизма, дегуманизации, отчуждения» (М. Новикова. *Не только о Достоевском*);

- **градация** способствует разграничению понятий, уточнению смыслов, установлению понятийной иерархии, максимально рационализирует текст: «Что же спасет, что может спасти? Только идея человека, только личностный (а не классовый, а не национальный) подход к человеку, к личности. Только создание в обществе демократических структур, безразличных к национальному признаку. Только повышение уровня души, благородства, человечности» (В. Мейланов. *Другое небо*);

- **вводные и вставные конструкции; уточнительные и присоединительные конструкции** – это элементы проявления точности как стилемы: «Любой разумный человек с обычным средним запасом знаний, не копаясь в архивах и книгах, может построить цепочку рассуждений, которая приведет его к осмысленному, а не навязанному мнению. (Не говорю «ответу», потому что для ответа нужен верный вопрос, а его-то как раз поставить очень непросто). Вот такую цепочку (метод) я и хочу здесь предложить» (С. Г. Кара-Мурза. *Советская цивилизация*);

- **синтаксис импульсивной речи** (короткие предложения; дробление конструкции; парцелляция: «Смысл – полбеда. Но тон. Но учительный пафос. Но универсалистский размах (при всяческих смиренных оговорках о допустимости иных подходов к предмету исследования). Можно ли себе такое позволять? Можно. И даже нужно» (М. Новикова. *Не только о Достоевском*);

- **имитация диалога**: «А типология? – напомним читатель» (М. Новикова. *Не только о Достоевском*). «Исследовательница предусмотрительна: отсекая предвидимые негодующие возгласы ("а Руссо? а Карамзин?"), в "я" она впускает и все "мое" эгоцентрика: его близких, друзей и т. п., – если... если они полезны или приятны "мне" – единственному по-настоящему любимому» (М. Новикова. *Не только о Достоевском*).

3.4 Уровень текста. Основным общетекстовым элементом является **заглавие**. Материалы исследования позволяют выделить в современных публицистических текстах следующие типы заголовков:

- информативно-концептуальный (В. Бушин. *Правду унижить нельзя; Г. Куйбышев. Вагнер отдыхает, Римский-Корсаков круче!*);

- конспективный (С. Корнев. *Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? – Об одной аванюре Виктора Пелевина*);

- реминисцентно-смысловой (Н. Крайнова. *Повелитель мусора*);

- номинативно-образный (С. Корнев. *Интернет как место обитания литературы*).

Преобладают реминисцентные заглавия.

Есть и другие виды заглавий – прежде всего *игровые*, например, *каламбурные* (А. Друзенко. *Чемпионат мимо*; А. Молчанов. *А в комнатах наших сидит Комиссаров!..*); *амфиболические* (двузначные): (П. Басинский. *Жалобная книга*; Л. Графова. *Быль о «потусторонних» людях*) и др.

Одним из самых распространенных конструктивных приемов при построении заголовка является парцелляция: «*Распад Советского Союза: стечение обстоятельств?*» (название главы в статье: Н. Зиядуллаев. *СНГ: опыт и итоги*).

Важная текстовая особенность научно-публицистического субстиля – **корректное цитирование**: называется имя автора (обычно при цитировании достаточно известных слов), чаще – источник, во многих журналах – не обязательно научных (в *Новом мире* и т.п.) – ссылки даются полностью.

Органичны для современной публицистики афоризмы и цитаты, истории с поучительным, иллюстративным, символическим смыслом, который иногда в них содержится или им приписывается, чаще всего для обоснования авторской позиции.

В **заключении** формулируются основные выводы, которые подтверждают положения, выносимые на защиту:

1. Публицистический функциональный стиль характеризуется набором конститутивных признаков, представляющих собой единство интегральных и дифференциальных признаков. К дифференциальным признакам относятся: интонационное богатство текстов в устной форме; графоны; обязательная экспрессивность; лексика, входящая в следующие основные семантические поля: «Общество», «Нравственность», «Природа», «Мир»; немногочисленные метафоры и фразеологизмы, адаптированные к восприятию массовой аудитории, нередко эмблематичные; слова с так называемой «расщепленной коннотацией»; активное использование коммуникативных функций каламбура, типичных иноязычных слов и выражений, преимущественно латинских; особого рода лексико-семантические преобразования: имена исторических лиц и литературных героев, употребляемые аллегорически; использование имен собственных в нарицательном значении; переходы нарицательных существительных в собственные; гендерные смещения; местоимения в гентильном значении; употребление настоящего времени в «ближайшем» значении; сохранение связи в составном именном сказуемом; подлежащие, выраженные существительными с собирательным и/или количественным значением, правильно согласованные со сказуемыми; афоризмы и хрии; языковая игра. Эти признаки специфичны для публицистики или тяготеют к преимущественному употреблению в ней. Их использование в других текстах (например, в художественных) обычно свидетельствует о публицистичности последних. Остальные признаки носят обще книжный характер и являются интегральными.

2. К основным лингвостилистическим особенностям российской публицистики рубежа XX–XXI вв. относятся следующие: борьба с трафаретным по-

ниманием слов и оборотов путем их деклиширования за счет «расщепления коннотации», дополнения или изменения семантики; актуальность для публицистики таких понятий, как «рациональность / иррациональность», «нормальность / аномальность», «новизна»; использование мифологических (в том числе библейских) образов, особой образности и метафоричности (конца света, хаоса и т.п.), привлечение бульварной субкультуры («фэнтези», «толкиенистики»); активизация в средствах массовой информации таких слов, как «глобализация», «знаковый», «культовый», «проект», «пиар» и др.; подчеркивание девальвации смыслов, в том числе путем расщепления коннотации; введение «стеба» в respectable журналистику («ювенилизация» последней); метапейоративность и прямая пейоративность; использование квазиэвфемизмов для иронии или разоблачения; употребление иноязычных терминов в виде пиджинизмов (аггони-мов); активное использование компьютерной лексики; обыгрывание имен, в том числе во фразеологизмах; агглютинативные образования из фамилий политиков; употребление абстрактных существительных как конкретных – за счет определительных слов и плюрализации.

Отмеченные лингвостилистические особенности являются элементами различных языковых уровней и пребывают в конвергенции.

3. Точность как стилема – важнейшее свойство научно-публицистического субстиля. Проявлениями точности как стилемы в публицистике являются: эмотивность текста (отвержение неточных смыслов и страстное восстановление точных); невокабулярные дефиниции; деклиширование (прежде всего фразеологизмов); подчеркнутое использование традиционных социальных терминов (вместо модных, но бессодержательных); сложные понятия; конкретизация абстрактных существительных за счет определительных слов и плюрализации; включение в тексты новых и специфических прилагательных, носящих терминологический характер; феномен «понятие с прилагательным», корректно используемые числительные; в аспекте модальности – доминирование семантики долженствования; синтаксическая градация, разделительные, градационные и противительные синтаксические отношения, изменение характера синтаксических отношений; вводные и вставные конструкции, уточнительные и присоединительные конструкции; точное и проверяемое цитирование; хиазм; актуальное членение.

4. Для текстов научно-публицистического субстиля характерны: образность научного происхождения; дублирование русских слов иноязычными синонимами (в научном стиле – наоборот); корректная научная терминология; экзотические слова – для описания чужих стран; слова терминологического характера с иноязычными (латинскими и греческими) приставками; ряды одно-корневых слов для прояснения сложных понятий; редкие терминологические аббревиатуры; репрезентативный характер единственного числа (у существительных и согласуемых с ними слов); контаминированные прилагательные с

семантикой сложных и богатых оттенками качеств; статистика, условная статистика (функционально адекватная числовой символике, применяемой в художественной литературе), глагольные времена с богатыми оттенками значений; конъюнктивы в проективном значении; юссивы; возвратные глаголы; деепричастия с обстоятельственными значениями; экспрессивные наречия и обстоятельственные слова со значением меры и степени при характеристике свойств объектов; специфические виды предложений (идентифицирующие, классифицирующие, характеризующие, номинационные); выделение важных слов и мыслей шрифтовыми акцентами (главным образом курсивом); создание понятийного ряда (эволюции понятий); имитация диалога; корректное цитирование (в том числе по научным стандартам).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Писаренко Л. В. К вопросу о «кризисе» современной публицистики // Итоговая научно-практическая конференция Орского гуманитарно-технологического института (2002 г.): Материалы. – Ч. 1. – С. 159-160.
2. Писаренко Л. В. О некоторых особенностях языка «традиционалистов» // Итоговая научно-практическая конференция Орского гуманитарно-технологического института (2003 г.): Материалы. – Ч. 2. – С. 74-77.
3. Писаренко Л. В. О лингвостилистических особенностях современной публицистики // ВУЗ и школа. – Орск: Издательство ОГТИ, 2003. – № 6. – С. 48-56.
4. Флоря А. В., Писаренко Л. В., Мясникова Л. В. Языковые особенности и речевая культура современных российских средств массовой информации: Монография. – Орск: Издательство ОГТИ, 2003. – 270 с.
5. Флоря А. В., Писаренко Л. В., Мясникова Л. В. Особенности эвфемизации в современных СМИ // Роль университетской науки в развитии регионального сообщества: Материалы международной конференции (1-3 сентября 2003 г.). – Оренбург: Издательство ОГУ, 2003. – С. 48-56.
6. Флоря А. В., Писаренко Л. В., Мясникова Л. В. Концепт «новизна» в современных СМИ // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: Материалы Международной научной конференции 9-11 сентября 2003. – Астрахань: Издательство Астраханского государственного университета, 2003. – С. 88-96.
7. Флоря А. В., Липатова Е. Г., Писаренко Л. В. Об аутентичности средств массовой информации // Свободная мысль – XXI. – М., 2002. – № 9. – С. 82-92.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 12.04.2004 г.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,0.
Тираж 100 экз. Заказ 272.

Издательство Орского гуманитарно-технологического института
(филиала) государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15 А